

А. Ю. Митрофанов

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕДУРЫ РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКОГО ОБРЯДА КОРОНОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА

В статье рассматривается проблема происхождения римско-византийского обряда коронования императора в контексте эволюции греко-иранского симбиоза, начавшегося после завоевательных походов Александра Македонского. По мнению автора, войны диадохов и эпигонов, экспансия Парфянского царства привели к развитию представлений о военной легитимации политической власти, которая достигла апогея в эпоху сасанидов. Греко-иранские, эллинистические, истоки византийской церемонии коронации императора, воспринятой через посредничество римской армии, позволяют сделать вывод о том, что данная церемония имела древние языческие корни. Этот факт предопределил то обстоятельство, что Православная Церковь стремилась к последовательному воцерковлению этой церемонии, ее литургическому освящению и, следовательно, к ее христианскому переосмыслению в недрах канонической традиции.

Ключевые слова: сасаниды, коронация, Арташир I, Шапур I, Александр Македонский, диадохи, Аммиан Марцеллин, коронация.

Церковное право — в данном случае Православной Церкви — невозможно представить вне корпуса императорских законов в отношении Церкви, который был инкорпорирован в византийский Номоканон. Выдающийся византийский канонист XII в. Феодор Вальсамон даже получил специальное поручение императора Мануила Комнина, которое заключалось в согласовании соборных канонов и императорских законов из «Василик» между собой. Подобная задача была поставлена императором Мануилом далеко не случайно. Императорская власть в Восточной Римской империи, помимо собственно римского права, изначально опиралась на церковное благословение, которое выражалось с определенного времени в чинопоследовании императорской коронации, а впоследствии, с X в., и в миропомазании на царство. В связи с этим исследования в области церковного права очевидно нуждаются в изучении проблемы происхождения императорской коронации.

В целом проблема происхождения правовой процедуры императорской коронации, носившей в Поздней Римской империи характер солдатского ритуала и превратившейся в Византийской империи в сложное чинопоследование, освященное Православной Церковью, представляется чрезвычайно дискуссионной. Очевидно, что описанный Аммианом Марцеллином обряд венчания императора Юлиана цепью компедуктора, поднятие Юлиана на щит и провозглашение его Августом в Лютетии Паризийской в 360 г. солдатами рейнской армии (Amm. Marc. XX, 4, 17–18) оказал значительное влияние на ранневизантийский церемониал коронации в том виде, в каком он сохранился до X в. в архиве Петра Патрикия и дошел до наших дней в составе «Придворного Устава» императора Константина Багрянородного [Siebigs, 2010, 191–273; Sickel, 1898, 511–557; Острогорский, 1973, 33–42].

Как описывал Аммиан, «крики, раздававшиеся со всех сторон, стали после этого еще громче; единое воодушевление овладело всеми, и среди неистовых возгласов, к которым примешивались брань и упреки, Цезарь вынужден был уступить. Его

Андрей Юрьевич Митрофанов — доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии (non-recuso-laborem@yandex.ru).

поставили на щит из тех, которые носят пехотинцы, и подняли высоко. Раздался единодушный крик, в котором Юлиан был провозглашен Августом. Требовали диадему, и на его заявление, что такой он никогда не имел, — какого-нибудь шейного или головного украшения его супруги. На его замечание, что женское украшение было бы неподходящей приметой для первого момента власти, стали искать конской фалеры, чтобы корона на его голове могла представить хоть отдаленный намек на верховную власть. Но когда он отверг и это как неподобающее, то некто, по имени Мавр, в ту пору гастат петулантов, — впоследствии он в чине комита потерпел поражение в теснине Сукков — сорвал с себя цепь, которую носил как знаменосец и дерзко возложил ее на голову Юлиана»¹.

Длительное время исследователи искали корни коронации в обряде инвеституры конунга, существовавшего в культуре германской дружины. В значительной степени подобное направление поисков логично, так как воинский ритуал коронавания, описанный Аммианом Марцеллином, — в частности, *возношение правителя на щит*, неизвестное древним римлянам, — по-видимому, отражал германские обычаи, хорошо известные в рейнской армии.

Еще Тацит более чем за два века до Аммиана отмечал важное значение щита как знака воинской доблести у германских племен, живущих за Рейном. По сообщению Тацита, легитимность конунга была основана исключительно на воинской доблести в бою. «У них не заметно ни малейшего стремления щегольнуть убранством, и только щиты они расписывают яркими красками... Бросить щит — величайший позор, и подвергшемуся такому бесчестию возбраняется присутствовать на священнодействиях и появляться в народном собрании, и многие, сохранив жизнь в войнах, покончили со своим бесславием, накинув на себя петлю. Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей — из наиболее доблестных. Но и цари не обладают у них безграничным и безраздельным могуществом, и вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение, если они решительны, если выдаются достоинствами, если сражаются всегда впереди, чем наделенные подлинной властью»².

Однако сведения Тацита носят слишком общий характер, и, кроме того, римский историк не говорит прямо о существовании у германцев церемонии инвеституры конунга или полевого командира посредством возношения на щит. Некоторые элементы — в частности, венчание головы императора подобием диадемы в повествовании Аммиана, упоминание им же конской фалеры, которую первоначально хотели использовать легионеры Юлиана для коронации своего командира, заставляют искать истоки коронационного ритуала в более глубокой древности, связанной с культурой эпохи эллинизма и формировавшим эту культуру греко-иранским симбиозом.

Если только возможно искать юридический смысл коронации, которая приобрела в средневековой Византийской империи характер *венчания на царство*, в правовых процедурах античного мира, закономерен вопрос — чем же именно вдохновлялись римские легионеры, короновавшие Юлиана? Воинскими обычаями германцев — постоянных противников на Рейне, или же церемониалом инвеституры,

¹ «Conclamabatur post haec ex omni parte nihilo minus, uno parique ardore nitentibus universis maximoque contentionis fragore probro et conviciis mixto, Caesar adsentire coactus est. Inpositusque scuto pedestri et sublatus eminens nullo silente Augustus renuntiatus iubebatur diadema proferre, negansque umquam habuisse, uxoris colli vel capitis poscebatur. Eoque adfirmante primis auspiciis non congruere aptari muliebri mundo, equi phalerae quaerebantur, uti coronatus speciem saltem obscuram superioris praetenderet potestatis sed cum id quoque turpe esse adseveraret, Maurus nomine quidam, postea comes, qui rem male gessit apud Succorum angustias, Petulantium tunc hastatus, abstractum sibi torquem, quo ut draconarius utebatur, capiti Iuliani inposuit confidenter» (Amm. Marc. XX, 4, 17–18).

² «Nulla cultus iactatio; scuta tantum lectissimis coloribus distinguunt... Scutum reliquissae praecipuum flagitium, nec aut sacris adesse aut concilium inire ignominioso fas; multique superstites bellorum infamiam laqueo finierunt. Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt. Nec regibus infinita aut libera potestas, et duces exemplo potius quam imperio, si prompti, si conspicii, si ante aciem agant, admiratione praesunt» (Tac. *Germ*, 6–7).

существовавшим в иранском мире и известном благодаря войнам с парфянами? Сведения некоторых источников могут быть интерпретированы в пользу иранского происхождения коронации. Сасанидские рельефы из Накш-е Рустам свидетельствуют о существовании в Иране процедуры инвеституры нового шаха посредством вручения новому монарху, сидящему в седле, царской диадемы. Как свидетельствует Прокопий Кесарийский, процедура усыновления в Сасанидском Иране сопровождалась вручением оружия и доспехов³.

Истоки греко-иранского симбиоза

Относительно недавно крупный польский исследователь эпохи эллинизма, археолог и востоковед М. Ольбрыхт назвал свою книгу об Александре и Иране, написанную на польском языке, как приключенческий роман: «Александр Великий и иранский мир» [Olbrycht, 2004]. Трудно придумать более точную формулировку для характеристики динамики развития той греко-иранской контактной зоны, которая образовалась в результате завоевательных походов греко-македонской армии и крушения державы Ахеменидов. В своей книге М. Ольбрыхт рассматривает в первую очередь военные и политические задачи, которые были поставлены перед Александром и диадохами новой исторической ситуацией. Однако автор идет дальше и избирает предметом своих многолетних исследований культуру взаимоотношений греков и иранских народов в рамках той политической и культурной обстановки, которая была создана Александром и его преемниками.

Йоганн Густав Дройзен писал полтора века тому назад: «Песни Гомеридов являются завещанием этого обильного движения времени, этого переселения народов, когда эллины в тесных и все же богатых пределах своей старой и новой родины делали первые шаги на поприще исторической жизни» [Дройзен, 2011, I, 21]. Великий немецкий историк, писавший свои книги задолго до Артура Эванса, совершенно справедливо искал истоки движения греков на Восток, обращаясь к Гомеру, в ахейской греко-микенской древности, однако его исторический кругозор ограничивался эпохой Гомера.

Как полагает Л. С. Клейн, «Илиада» Гомера, будучи синтезом развития древнегреческого фольклора, выразителем народного предания, и не являясь исторической книгой в строгом смысле этого слова, сохранила до наших дней коллективную память древних греков об экспансии ахейцев [Клейн, 1998, 6–437; Клейн, 2014, 373–519]. Эта экспансия была направлена в первую очередь на западное побережье Малой Азии против многочисленных городов и поселений, входивших в сферу влияния Хеттской державы. Добавим, что «Одиссея», составленная позднее, отражает, без сомнения, точно таким же образом коллективную память древних греков об освоении морей и о колонизации ахейцами, ионийцами, дорийцами отдаленных уголков ойкумены. Из текста «Одиссеи» следует, что ее автор, никогда не покидавший Ионию и не бывавший на Итаке, тем не менее знал о ее существовании и в совершенстве владел материалом киклических поэм Троянского цикла [Клейн, 2-14, 520–554].

Александр восхищался Ахиллесом, которого считал своим предком. Юный царь Македонии мечтал повторить подвиги сына Фетиды. Вероятно, властная, жестокая и прекрасная царица Олимпиада также мечтала уподобиться богине, приобщившись славе своего сына. Реальность, с которой столкнулись Александр и его солдаты, превышала все разумные представления современников. Греки и персы — старинные враги — должны были решить свой вековой спор силой оружия. К этому стремился уже отец Александра царь Филипп II, утверждая македонскую гегемонию в Греции [Борза, 2013, 257–298, 447–466; Холод, 2013, 493–531]. Однако победа греков над персами не стала для потомков ахейцев новым разрушением Илиона. Эта победа открыла

³ «διάρρηδην ἀποκρίνασθαι ὅτι δεῖ, ὡς βαρβάρῳ προσήκει, δηλῶν ὅτι οὐ γράμμασιν οἱ βάρβαροι τοὺς παῖδας (ἐς)ποιοῦνται, ἀλλ' ὄπλων σκευῆ» (Procop. BP, I, 11, 6).

грекам индоиранский мир во всем его этническом и культурном многообразии, а индоиранцам дала возможность узнать достижения древнегреческой цивилизации. Благодаря завоеваниям Александра вновь встретились народы, предки которых в глубокой мгле энеолитической древности составляли единое племя грекоариев, кочевавшее в диких степях от Днестра до Урала [Клейн, 2010, 323–469].

Александр всячески поощрял греко-иранский симбиоз, выразившийся в семейных и военных узах. Как показал М. Ольбрыхт, в индийском походе Александра принимала участие иранская, бактрийская и согдийская конница. Александр последовательно женился на Парисатиде — дочери персидского царя Артаксеркса III (359–338), затем на Роксане — бактрийской княжне, дочери Оксиарта, и, наконец, на Статире, дочери Дария III (336–330). Кроме того, Александр имел также сына Геракла, рожденного от Барсины, дочери Артабаза, персидского сатрапа Фригии. Царь поощрял браки своих приближенных с иранскими принцессами. Наиболее знаменитым подобным браком стал союз Селевк Никатора и Апамы, дочери согдийского князя Спитамена, длительное время успешно сопротивлявшегося македонской армии в степях Средней Азии. Иранские полевые командиры занимали в армии Александра крупные должности наравне с греками и македонцами, а сам Александр, оказывая покровительство семье покойного Дария III, превратился из завоевателя в «последнего ахеменида». Тесные семейные узы Александра с иранскими знатными фамилиями, как персидскими, так и согдийско-бактрийскими, стали основой будущей политики диадохов и эпигонов на Востоке. Военная македонская монархия, носившая при Филиппе II патриархальный характер, неизбежно впитывала правовые представления покоренных иранских племен о сакральном характере царской власти.

Греко-бактрийская репрезентация царской власти

Македонское завоевание персидской державы не могло оставить в стороне Бактрию и Согдиану — территории, являвшиеся, по мнению ряда крупных ученых-иранистов, источником распространения зороастризма в I тысячелетии до Р. Х. Бактрийцы и согдийцы играли важную роль также в развитии военной организации поздней Ахеменидской империи. Как свидетельствует Квинт Курций Руф, после поражения при Иссе Дарий III провел военную реформу: «Хорошо зная, с каким упорным врагом он имеет дело, Дарий приказал собраться всем военным силам отдаленных народов в Вавилон. Сначала собрались бактрийцы, скифы и инды, затем и от других народов прибыли военные отряды. Впрочем, поскольку войска собралось в полтора раза больше, чем было в Киликии, многим не хватало оружия; его собирали с большим трудом. Покрытием всадников и коней служили панцири из железных пластинок, рядами скрепленных между собой; тем, кому прежде не давалось ничего, кроме дротиков, теперь добавлялись щиты и мечи» (Curt. Ruf. IV, 9, 2–3). Бактрийская и сакская тяжелая кавалерия, закованная в доспехи, принимала активное участие в битве при Гавгамелах на стороне персидской армии.

В 330 г. Бесс, сатрап Бактрии, умертвил последнего ахеменидского владыку Дария III и захватил его *диадему*, провозгласив себя новым персидским царем Артаксерксом. Новоиспеченный царь управлял Бактрией и рассчитывал на ее ресурсы. Преследуя убийцу Дария III, Александр вторгся в этот отдаленный край. Бактрийская знать выдала Бесса Александру, и он был казнен. Покорение Александром Бактрии и Согдианы в 329–327 гг. сопровождалось чрезвычайным ожесточением и сопротивлением местных кочевых племен. Князь согдийцев Спитамен разбил македонский отряд в битве на реке Политимет. Македоняне потеряли в этом бою до 2000 убитыми, т. е. понесли наибольшие потери по сравнению с предыдущими сражениями. В ходе покорения Бактрии и Согдианы Александр основал несколько городов и укреплений. После поражения Спитамена Александр оставил в Бактрии и Согдиане крупные силы (10 тысяч пехоты, 3500 конницы) под командованием Аминты. В последующие годы греческие колонисты дважды восставали против Александра, в то время

как бактрийская и согдийская конница была включена в армию Александра для участия в походе на Индию.

После смерти Александра и первого раздела империи в 323 г. Пердикка направил в Бактрию сатрапа по имени Филипп, вероятно, македонского стратега. Филипп также управлял Согдианой. По мнению А. А. Попова, в это время в Бактрии произошло восстание, на подавление которого диадохи направили отряды греческих наемников. Фрагмент комедии Менандра «Самиянки», составленный между 320–310 гг., содержит упоминание Бактрии в следующем контексте:

«Давно ушел в какую-нибудь Бактрию
Иль Карию — подался бы в наемники»⁴.

По условиям договора в Трипарадесе, который был заключен диадохами в 321 г., Бактрию отдал греку Стасанору из Сол. В 317 г. бактрийские подразделения сражались в армии Эвмена против Антигона Одноглазого. После гибели Эвмена Антигон захватил Вавилон, но не имел возможности низложить Стасанора — сатрапа Бактрии. В период с 316 по 305 гг. Бактрия находилась под управлением греко-македонских правителей, одним из которых был Софит, возможно, командир наемников-карийцев. Наконец, в 305 году Бактрия вошла в состав империи Селевка Никатора, который назначил наместником Бактрии своего сына Антиоха, мать которого Апама была согдийской княжной, дочерью легендарного Спитамена. Вероятно, после гибели Селевка Никатора и воцарения Антиоха I Сотера (281–261) наместником Бактрии и Согдианы стал его сын Селевк, который выпускал монеты от своего имени и который был казнен отцом за измену [Попов, 2008, 46–49].

Сирийские войны Антиоха II Теоса (261–246) привели к тому что все силы царя были задействованы на западе, а в это время — около 250 г. до Р. Х. — против Антиоха II практически одновременно восстали сатрап Парфии Андрагор (Нарисанка) и сатрап Бактрии Диодот. Если Андрагор продержался в Парфии сравнительно недолго и в 238 г. до Р. Х. был свергнут Аршаком, вождем сакского племени дахов (апарнов), то Диодот (ок. 250–230) был провозглашен царем Бактрии и сумел отстоять свою власть. Сын Диодота I Диодот II Теос (230–223) наследовал отцу. Из сообщений Юстина мы узнаем, что Диодот II заключил договор с парфянским царем Тиридатом для совместной борьбы против Селевка II Каллиника (246–225). Дружба с парфянами спровоцировала восстание греческого сатрапа Согдианы Эвтидема, который сверг и убил Диодота II, опираясь на греческих солдат-колонистов. Эвтидем I (230–200/195) основал новую династию, которой будет суждено управлять греко-бактрийским царством на протяжении нескольких десятилетий [Попов, 2008, 3–229].

Борба с Птолемеевским Египтом, Македонией, Пергамом, Римской республикой на западе, войны с Парфией и греко-бактрийским царством на востоке поглощали силы селевкидов. Они оказались не в состоянии эффективно противодействовать наступлению парфянского царя Митридата I в Иране, Мидии и Вавилонии (171–138/137). В итоге селевкиды уступили парфянам владычество в Иране. Парфянские цари Аршакиды, имевшие кочевое сако-массагетское происхождение, быстро эллинизировались, восприняли греческий язык, монетный чекан селевкидов и временами оказывали покровительство греческим колонистам на Востоке.

Греко-иранский симбиоз принимал новые формы, связанные с военно-политическим доминированием иранских кочевников. Около 174 (171) г. до Р. Х. греко-бактрийский царь Деметрий — сын Эвтидема I, был свергнут восставшими греческими колонистами Бактрии под предводительством стратега Эвкратида. Эвкратид I Великий (171–145) обладал знатным происхождением. Возможно, мать Эвкратида звали Лаодика — это имя было характерным женским именем у селевкидов. Некоторые исследователи делают на основании этого обстоятельства вывод о том, что Эвкратид был родственником селевкидского царя Антиоха IV Эпифана (175–164). Эпоха

⁴ Пер. А. Парина.

Эвкратид I стала временем расцвета греко-бактрийского царства, однако около 145 г. до Р. Х. Эвкратид был убит своим сыном Гелиоклом во время возвращения из похода в Индию. Гелиокл правил Бактрией до 129 г. до Р. Х., до тех пор, пока греко-бактрийское царство не было разгромлено и захвачено саками юэчжи и тохарами. Кочевники обосновались на покоренных территориях и основали там Кушанскую империю. Свергнутый Деметрий бежал в Индию, где при помощи преданного стратега Аполлодота завоевал территории в долине Инда. Вскоре Деметрий умер, а Аполлодот I Сотер (174–165) стал первым царем нового индо-греческого царства. Его преемник — грек Менандер I Сотер (165/155–130) расширил владения индо-греческого царства и начал активно покровительствовать буддизму. Царство просуществовало до 10 г. по Р. Х., когда последний индо-греческий царь Стратон III Сотер (25 г. до Р. Х. — 10 г. по Р. Х.) был свергнут индоскифским сатрапом Раджувулой (10–25 гг. по Р. Х.).

Отметим, что имена этих малоизвестных царей имеют важное значение в контексте исследования памятников местной нумизматики. Монеты греко-бактрийских, парфянских и индо-греческих царей на протяжении всей истории этих государственных образований имели хорошо известный чекан и представляли собой, с визуальной точки зрения, репрезентацию царя в кавалерийском шлеме беотийского типа, который иногда покрывался кожей слона. В раннем Парфянском царстве аналогичную роль царского головного убора играл башлык. Именно этот головной убор, традиционный для скифов и сако-массагетского кочевого мира, изображали на монетах ранних Аршакидов. О чем же свидетельствует данное наблюдение? Прежде всего о том, что в эллинистическом мире, где легитимность царя определялась в первую очередь наличием в его распоряжении адекватных военных сил, способных отстоять эту легитимность, вероятно, под влиянием обычая Ахеменидов возлагать на царя диадему формируясь собственным воинский ритуал инвеститур правителя, представляющий собой обряд возложения военного головного убора в зависимости от этнокультурных корней и предпочтений каждого конкретного правителя.

Таким образом, постоянные войны, сотрясавшие эллинистический мир на протяжении многих веков, должны были сформировать в греко-иранской военной элите устойчивое убеждение, согласно которому легитимность власти напрямую зависела от военной удачи. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что коронация шаха в Сасанидском Иране окончательно превращается в процедуру военного утверждения дружиной своего командира, принимающего диадему и даже не спускающегося при этом с коня. Данный факт находит свое подтверждение также в памятниках монументального искусства Сасанидского Ирана, например, на рельефе, изображающем коронацию Арташира I в Накш-е Рустам, или на рельефе с изображением коронации Шапура I в Накш-е Раджаб. Многочисленные памятники сасанидской торевтики с изображениями шахов Шапура II, Бахрама Гура, Хосрова I в диадемах и на конях, исследованные В. Г. Лукониным [Луконин, 1977, 228–231], служат красноречивым доказательством иранского, а точнее сасанидского происхождения церемонии венчания на царство, связанной с греко-иранской военно-правовой традицией легитимации царя в эпоху эллинизма.

Именно эта традиция венчания на царства была заимствована римской армейской культурой и унаследована политической традицией Византийской империи. Греко-иранские, эллинистические истоки византийской церемонии коронации императора, воспринятой через посредничество римской армии, позволяют сделать вывод о том, что данная церемония имела древние языческие корни. Этот факт предопределил то обстоятельство, что Православная Церковь стремилась к последовательному воцерковлению этой церемонии, ее литургическому освящению, и, следовательно, к ее христианскому переосмыслению в недрах канонической традиции. В рамках этой традиции император приобретал статус эпистемонарха Православной Церкви, имеющего право совершать каждение и благословлять народ архиерейским трикирием и дикирием.

Источники и литература

1. Борза (2013) — Борза Ю. Н. История античной Македонии (до Александра Великого) / Под ред. М. М. Холода. СПб., 2013.
2. Дройзен (2011) — Дройзен И. Г. История эллинизма. Киров, 2011. Т. I.
3. Клейн (1998) — Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998.
4. Клейн (2010) — Клейн Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010.
5. Клейн (2014) — Клейн Л. С. Расшифрованная «Илиада». СПб., 2014.
6. Луконин (1977) — Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
7. Острогорский (1973) — Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронавания // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М., 1973.
8. Попов (2008) — Попов А. А. Греко-Бактрийское царство, СПб., 2008.
9. Холод (2013) — Холод М. М. Тень херонейского льва: утверждение политического верховенства Македонии в Балканской Греции в 338 г. до н. э. // Борза Ю. Н. История античной Македонии (до Александра Великого). СПб., 2013. С. 493–531.
10. Olbrycht (2004) — Olbrycht M. Aleksander Wielki i świat irański. Rzeszów, 2004.
11. Sickel (1898) — Sickel W. Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1898, Т. 7.
12. Siebig (2010) — Siebig G. Kaiser Leo I: Das oströmische Reich in den ersten drei Jahren seiner Regierung (457–460 n. Chr.). Berlin; New York, 2010.

Andrey Mitrofanov. The Origin of the Legal Procedure of the Roman-Byzantine Rite of the Emperor Coronation.

Abstract: The article deals with the problem of the origin of the Roman-Byzantine rite of the coronation of the emperor in the context of the evolution of the Greco-Iranian symbiosis that began after the conquests of Alexander the Great. According to the author, the wars of diadochs and epigones, the expansion of the Parthian kingdom led to the development of ideas about the military legitimization of political power, which reached its apogee in the Sasanian era. The Greco-Iranian, Hellenistic, sources of the Byzantine emperor's coronation ceremony, perceived through the mediation of the Roman army, allow us to conclude that this ceremony had ancient pagan roots. This fact predetermined the fact that the Orthodox Church was striving for the consistent churching of this ceremony, its liturgical consecration, and, consequently, for its Christian reinterpretation in the bowels of the canonical tradition.

Keywords: Sassanids, coronation, Artashir I, Shapur I, Alexander the Great, diadochi, Ammianus Marcellinus, coronation.

Andrey Yurievich Mitrofanov — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy (non-recuso-laborem@yandex.ru).

Sources and References

1. Borza (2013) — Borza Yu. N. *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [*The History of Ancient Macedonia (before Alexander the Great)*]. Ed. by M. M. Kholod. Saint Petersburg, 2013. (In Russian).
2. Droyzen (2011) — Droyzen J. G. *Istoriya ellinizma* [*The History of Hellenism*]. Kirov, 2011, vol. I. (Russian translation).
3. Kleyn (1998) — Kleyn L. S. *Anatomiya «Iliady»* [*The Anatomy of the "Iliad"*]. Saint Petersburg, 1998. (In Russian).

4. Kleyn (2010) — Kleyn L. S. Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariyev [The Centaur time. The steppe as an ancestral home of the Greeks and Aryans]. Saint Petersburg, 2010. (In Russian).
5. Kleyn (2014) — Kleyn L. S. Rasshifrovannaya «Iliada» [The Decrypted “Iliad”]. Saint Petersburg, 2014. (In Russian).
6. Lukonin (1977) — Lukonin V. G. Iskusstvo Drevnego Irana [The Art of Ancient Iran]. Moscow, 1977. (In Russian).
7. Ostrogorskiy (1973) — Ostrogorskiy G. A. Evolyutsiya vizantiyskogo obryada koronovaniya [The evolution of the Byzantine rite of coronation]. *Vizantiya. Yuzhnyye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa: Iskusstvo i kul'tura* [Byzantium. Southern Slavs and Ancient Russia. Western Europe: Art and Culture]. Moscow, 1973. (In Russian).
8. Popov (2008) — Popov A. A. *Greko-Baktriyskoye tsarstvo* [The Greco-Bactrian Kingdom]. Saint Petersburg, 2008. (In Russian).
9. Kholod (2013) — Kholod M. M. Ten' kheroneyskogo l'va: utverzhdeniye politicheskogo verkhovenstva Makedonii v Balkanskoy Gretsii v 338 g. do n.e. [The Shadow of the lion of the Heroes: the establishment of the political supremacy of Macedonia in the Balkan Greece in 338 BC]. Borza Yu. N. *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [The History of Ancient Macedonia (before Alexander the Great)]. Saint Petersburg, 2013, pp. 493–531. (In Russian).
10. Olbrycht (2004) — Olbrycht M. Aleksander Wielki i świat irański. Rzeszów, 2004. (In Polish).
11. Sickel (1898) — Sickel W. Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert. *Byzantinische Zeitschrift*. Leipzig, 1898, vol. 7.
12. Siebigs (2010) — Siebigs G. *Kaiser Leo I: Das oströmische Reich in den ersten drei Jahren seiner Regierung (457–460 n. Chr.)*. Berlin; New York, 2010.